

М. С. ПЕСТОВА

Екатеринбург, Россия

**ЭМОТИВНОСТЬ И ОЦЕНОЧНОСТЬ
КАК ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОННОТАЦИИ
ДИСФЕМИСТИЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ,
ПОСТРОЕННЫХ НА ГИПЕРБОЛЕ,
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. В результате анализа фразеологизмов, дающих негативную оценку человеку в английском и русском языках, выделяются основные эмосемы (презрительная, пренебрежительная, неодобрительная, ироническая, нейтральная, шутливая, одобрительная), которые могут лечь в основу построения единой системы эмоционально-оценочных помет при фразеологизмах в словарях.

Ключевые слова: эмотивность; коннотация; фразеологизм; гипербола; дисфемизм; русский язык; английский язык.

M. S. PESTOVA

Ekaterinburg, Russia

**EMOTIVITY AND EVALUATION AS KEY COMPONENTS OF
CONNOTATION OF DYSPEHEMISTIC PHRASEOLOGICAL UNITS
BASED ON HYPERBOLE IN RUSSIAN AND ENGLISH**

Abstract: As a result of analysis of phraseological units with negative evaluation of a person in English and Russian main emotive semes are identified (contemptuous, neglecting, disapproving, ironical, neutral, joky, approving), which can lay the foundation of integrated system of emotional evaluative signs in phraseological dictionaries.

Key words: emotivity; connotation; phraseological unit; hyperbole; dysphemism; Russian, English.

Исследования, посвященные способам воздействия на общественное сознание, зачастую связаны с исследованием манипулятивных технологий и методов преимущественно в области психологии (Доценко 1996; Грачев, Мельник 1996, 2002), политологии (Кара-Мурза 2002, 2004; Прокофьев 1999). В области лингвистики исследования, связанные с изучением механизма манипулирования общественным сознанием, пока не

представлены широко, что представляется нам необоснованным по той причине, что манипуляция в большинстве случаев осуществляется с помощью средств языка и, таким образом, является лингвистической проблемой.

Действительно, человеку свойственно подвергаться воздействию и воздействовать самому на других представителей своего социума. Дисфемистичные фразеологические единицы, построенные на гиперболе, в английском и русском языках, заведомо представляют собой негативную, неблагоприятную, вызывающую антипатию систему оценок, представляют собой, как правило, преднамеренную замену эмоционально и стилистически нейтрального слова с целью эмоционального воздействия на реципиента.

В своей кандидатской диссертации «Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема гиперболы» И. С. Курахтанова формулирует подробную трактовку термина «гипербола». Гиперболой она называет «лингвистический прием намеренного, образного, нереального преувеличения большой (или преуменьшения малой) меры актуального для говорящего признака предмета, явления или действия, служащий одновременно как для интенсификации меры признака, так и для передачи индивидуального эмоционального и эстетического восприятия этого признака» [Курахтанова 1978: 11].

По мнению А.П.Чудинова, «гипербола – образное словопотребление, преувеличивающее какой-то предмет или признак, хотя и не предполагающее введения слушателя в заблуждение» [Чудинов 1998: 101].

Под фразеологическими единицами, построенными на гиперболе, нами понимаются фразеологизмы, прототипы которых представляют собой намеренное искажение реальности. В рамках реализации механизма гиперболы противопоставляются две далеко отстоящие друг от друга меры признака – реальная и преувеличенная.

В качестве основных компонентов дисфемистичных фразеологических единиц, построенных на гиперболе, мы рассматриваем признак, интенсивность которого является денотатом плана выражения, реальную и гиперболическую меру признака. Контрастное сопоставление двух далеко отстоящих друг от друга мер признака приводит к нарушению реальных взаимоотношений явлений действительности. Столкновение гиперболической меры признака с реальной приводит к переосмыслению связей и оценок явлений реальной действительности, так

или иначе зафиксированных в тезаурусе воспринимающего индивида. Так, фразеологизм «*волк в овечьей шкуре*» (о лицемере, человеке, прикрывающем свои дурные намерения, действия маской добродетели) обыгрывает образы двух животных: волка, известного нам хищника, и овечки – существа кроткого характера. Противопоставление далеко отстоящих друг от друга по своей сути образов в данном случае позволяет говорящему сделать акцент на интересующих его характеристиках и, таким образом, создать третий образ, образ существа, характеризующегося своей подлостью, двуличием, корыстными намерениями.

Многоаспектность фразеологического значения, его усложненная информативность, дополнительная оценочная нагрузка на сегодняшний день представляют собой важные и дискуссионные задачи современной лингвистики.

В формировании фразеологической семантики, рассматриваемых нами фразеологических единиц, задействованы механизмы как рационального, так и чувственного познания действительности, при помощи чего осуществляется ее основная функция передачи субъективной информации об объекте номинации и выражения отношения к нему субъекта.

Зачастую за основу анализа фразеологического значения лингвисты берут концепцию структурности лексического значения, разработанную лексикологами. Тем не менее, фразеологическое значение представляется нам по сравнению с лексическим достаточно специфичным. Фразеологическое значение основывается на комплексе лексем, передающем представления о предметах или явлениях действительности, в то время как значение слова формируется на основе совокупности морфем. Речь идет об относительной целостности семантики фразеологизма; общеизвестен факт того, что слова в ее составе утрачивают (или ослабляют) свое значение. Членимость внешней и внутренней форм фразеологической единицы указывает на ее готовность к речевой актуализации, в то время как форма слова характеризуется своей монолитностью [об этом см. Алефиренко 1980; Мокиенко 1989; Телия 1996].

Денотативный макрокомпонент в структуре фразеологических единиц способствует выявлению предметной отнесенности знака, вызывая в человеческом сознании предметное представление. Сигнификативный макрокомпонент определяет соотнесенность фразеологизма с представлением или понятием как носителем каких-либо свойств, качеств и имеет более высокую степень абстрактности. Денотативный и сигнификатив-

ный компоненты взаимодействуют и образуют единое предметно-логическое содержание фразеологизмов.

Значение фразеологических единиц, построенных на гиперболе, возникает в результате нарушения сочетаемости смысловой связи объекта и указываемой гиперболической меры признака. В основе лежит механизм контрастного сопоставления реальных признаков исходного денотата и признаков денотата, являющихся их гиперболической абстракцией.

Признавая важность денотативного компонента значения как ведущего в составе значения слова и вторичного в семантическом содержании фразеологизма, мы рассматриваем коннотацию как комплекс сигналов, направленных на эмоциональное воздействие на реципиента. Коннотативный аспект значения дисфемистичных фразеологических единиц, характеризующийся пейоративной оценкой описываемого объекта и выделяющий их на фоне прочих языковых единиц, подлежит более детальному рассмотрению.

Высокая значимость коннотативного аспекта в значении фразеологических единиц отмечается многими исследователями. Нельзя не согласиться с мнением, что под основной задачей коннотации следует понимать "эмоциональное сопровождение логико-предметной номинации, передающее эмоциональное отношение говорящего к объекту наименования в целом или к его отдельным признакам" [Шаховский 1994: 21].

В процессе формирования плана содержания фразеологических единиц, построенных на гиперболе, действуют как понятийный (абстрактно-логический), так и эмоциональный центры. Обозначая высокую интенсивность меры признака, гиперболическая языковая форма вызывает ассоциации причинно-следственного характера.

При этом акцент ставится не на объективном определении выделяемого признака, а на интенции говорящего передать весь спектр испытываемых им супрасубъективных чувств с целью эмоционального воздействия на слушающего. Эмоционально возбужденное состояние говорящего в момент употребления дисфемистичных фразеологических единиц, основанных на гиперболе, определяет его неспособность воспринимать и отражать окружающую действительность иначе, как гиперболически.

Двуплановость семантической структуры фразеологизмов, построенных на образном переосмыслении, придает высокую значимость микрокомпонентам коннотации и коннотации в целом. При этом нужно отметить тот факт, что коннотация рассматриваемых нами гиперболических фразеологических единиц

не может играть ведущую или ведомую роль в семантической структуре фразеологизмов. Коннотативный компонент наряду с сигнификативно-денотативным создает значение фразеологических единиц, а также и помогает выделить их на фоне прочих языковых единиц.

Коннотативный макрокомпонент значения дисфемистичных фразеологических единиц, построенных на гиперболе, характеризуется высокой образностью, интенсивностью, экспрессивностью, пейоративной оценочностью своего значения и их использование, таким образом, является эффективным способом эмоционального воздействия на слушателя/читателя. Рассмотрим оценочный и эмотивный компоненты коннотации подробнее.

Б. А. Ларин отмечает «добавочную оттеночность» в качестве специфики фразеологического значения. По его мнению, «в языке сочетание слов дает смысл больший, чем простая сумма "значений" отдельных слов» [Ларин 1977: 36]. Идеи «нового смысла», «приращения смысла», «семантической добавочности», «добавочной оттеночности» чаще всего выдвигают и отстаивают именно те фразеологи, которые изучают функционирование фразеологических единиц в художественной или живой речи [Мелерович 1979].

Семантика предлагаемых к рассмотрению фразеологических единиц предполагает участие механизмов как рационального, так и чувственного познания действительности, что, несомненно, оптимально способствует осуществлению ее основной функции – передаче субъективной информации об объекте номинации и выражения оценочного отношения к нему субъекта.

Структура оценочности как компонента коннотации является эксплицитной или имплицитной оценкой субъекта, представленного лицом или социумом, с точки зрения которого даётся оценка, объект оценки (лицо, предмет или событие), сам оценочный элемент, а также «точка отсчёта», включающая шкалу оценок и оценочные стереотипы [см. Телия 1986]. Структуру оценки могут также составлять как оценочные критерии, так и мотивировки, классификаторы, указывающие на аспект оценки, различные интенсификаторы и деинтенсификаторы [Вольф 1978: 34].

Основу любой оценки, на наш взгляд, составляет интеллектуальный (логический) подход. Соответствие объекта оценки имеющимся в сознании реципиента стереотипам вызывает положительную оценку, а несоответствие им – отрицательную. Лингвисты признают тот факт, что «в разных цивилизациях и в разные эпохи понятие добра и зла, отрицательного и положи-

тельно мыслятся неодинаково. Члены одного общества расценивают одно и то же явление индивидуально, хотя существует общепринятая точка зрения, в связи с которой положительная или отрицательная оценка входит в структуру значения ФЕ» [Соколова 1981: 80].

Г. Г. Соколова предлагает не ограничиваться двузначной системой оценки (+/-) – «положительное» – «отрицательное», а говорить о трёх типах оценки – отрицательной, положительной и ситуативной, поскольку в рамках даже одного общества возможны различные оценки явлений. Данная система оценки представляется оптимальной в отношении дисфемизированных фразеологических единиц, построенных на гиперболе.

В ряде работ (см. Ю. М. Скребнев, Р. Холдер), связанных с исследованием таких явлений, как эвфемизация-дисфемизация утверждается, что дисфемизмы представляют собой нечто большее, чем просто нарушение правил коммуникации. Любое слово может выступать как в виде эвфемизма, так и дисфемизма вследствие использования его в качестве замены другого термина. Действительно, лексика сниженного стиля может функционировать как эвфемизм в среде определенных социальных групп, так же как и представлять собой нейтральную оценку в определенных речевых ситуациях [Обвинцева 2003: 34-35]. Интересным представляется высказывание Р. Холдера: «то, что эвфемизм для мужчины – дисфемизм для женщины» [Holder 1995: viii].

Рассматривая фразеологическую номинацию положительной и отрицательной оценки, Н.Н. Пряхина указывает на то, что «...оценочное отношение носителей языка к предметам, действиям, явлениям внеязыковой действительности всегда детерминировано нормой какого-либо качества, признака предмета (нейтральная оценка). Отклонения от нормы в ту или иную сторону вызывают положительную или отрицательную оценки» [Пряхина 1988: 74].

По отношению к языку эмоции, с одной стороны, являются частью объективной действительности и поэтому могут быть отражены в языке, а с другой стороны, «участвуют в формировании языковой картины мира», они «инструмент отражения самих себя и других объектов действительности, специфичен и момент их неотторжимости от отражающего субъекта» [Шаховский 1987: 7–8].

Деление физиологических эмоций на положительные и отрицательные, как правило, сводится к их обозначению в языке в качестве положительно-эмотивных и отрицательно-эмотив-

ных, что, к сожалению, не находит своего отражения в соответствующих словарных пометах.

Действительно, являясь важным компонентом коннотации фразеологических единиц, эмотивность отражается во фразеологических источниках посредством употребления словарных помет. В настоящее время учеными не выделяется ни одной общепризнанной классификации эмотивных помет. Так, в русскоязычных словарях не соблюдается единства в определении принадлежности словарных помет к отрицательной или положительной оценке, в силу отсутствия надежной системы их классификации, а в англоязычной лексикографии и фразеологии недостаточно разработаны пометы эмотивной отрицательной оценки и полностью отсутствуют пометы положительной оценки. Отрицательная оценка обозначается пометой *derog.* (= *derogatory*). Некоторые фразеологические единицы с отрицательной эмосемой помечаются как *impol.* (= *impolite*), *taboo* и *vulg.* (= *vulgar*).

Анализ обширного практического материала фразеологических единиц, построенных на гиперболе, позволил нам придти к выводу о целесообразности рассмотрения шести базовых эмосем – презр., пренебр., неодобр., ирон., нейтр., шутил., одобр. Предлагаемая шкала эмотивности носит биполярный характер с градациями в сторону положительной и отрицательной оценочности значения. Человеку присуще стремление к восхищению внешними качествами человека и одобрение факта соответствия социальной норме. Предметом осуждения являются различные негативные состояния, низкие интеллектуальные способности человека, его действия и поступки, отклоняющиеся от нормы. Человеку свойственно называть не своим именем того, кто заслуживает порицания. Стилистическая функция дисфемистичных фразеологических единиц обратна той, которую выполняют эвфемизмы. Они выражают понятие в более резкой и грубой форме, — обычно нелитературной форме, — по сравнению с тем словом, которое закреплено за данным понятием.

По мнению А. В. Кунина, распределение фразеологических единиц на положительную и отрицательную оценки свидетельствует об антропоцентрической направленности исследуемых фразеологизмов.

“Явное преобладание слов с отрицательной оценочностью связано, по-видимому, с тем, что положительность воспринимается как само собой разумеющееся. Человеку постоянно приходится сталкиваться с преодолением недостатков и ошибок. По-

этому-то для него столь значительно и так стойко отражено в языке". [Кунин 1996].

Однако, если словарная помета *эвфем. или эвф.* стала уже привычной, крайне редко можно встретить словарную помету *дисфем., или дисф.* что может быть обусловлено ситуативностью/контекстуальностью использования фразеологических единиц в качестве дисфемизмов. Дисфемистические фразеологические единицы могут квалифицироваться как таковые только в определённом контексте. Нередки случаи, когда при изменении параметров контекста дисфемистичность фразеологических единиц снимается. Однако при условии регулярной воспроизводимости фразеологических единиц в качестве дисфемизмов, это в сравнении с эвфемизмами не фиксируется в лексикографических источниках.

На наш взгляд, это может также объясняться прежде всего тем, что стилистическая природа фразеологических единиц еще не описана в степени, необходимой для адекватной фиксации основных компонентов их коннотации во фразеологических словарях.

Фиксирование пейоративной оценки фразеологических единиц, основанных на гиперболе, во фразеологических словарях, на наш взгляд, возможно только лишь при условии их регулярного использования в речи в качестве дисфемизмов. Отследить данный факт представляется возможным посредством обращения к этимологической основе фразеологизмов, а также посредством обращения к компонентному составу фразеологических единиц. Анализ семантики компонентов фразеологических единиц показывает, что положительная, отрицательная или нейтральная оценочная сема лексем одного или нескольких компонентов фразеологизма отвечает, как правило, за наличие положительной, отрицательной или нейтральной оценочной семы всего фразеологизма.

Фразеологическая единица «*утопить кого-либо в ложке воды*» имеет значение «причинить большую неприятность кому-либо по какому-либо незначительному поводу». Отрицательная оценочная сема слова «утопить» вызывает явное неодобрительное отношение к называемому действию. Таким образом, сема неодобрения в совокупности с отрицательной оценкой находит свое отражение в значении всего фразеологизма и может выступать в речи в качестве дисфемизма в ряде ситуаций речевого общения.

Этимологически компонент *dog* фразеологических единиц *to lead a dog's life, to go to the dogs, to die like a dog, to throw it*

to the dogs не воспринимался как нечто положительное. Собаки не считались домашними животными, их кормили непотребными остатками со стола. Вести собачью жизнь, умереть как собака, – изначально означало вести тот образ жизни, который не представлял особой значимости [Hendrickson 2004: 214–215]. На сегодняшний день негативная, пренебрежительная оценка отнюдь не изменилась, что позволяет говорить о возможности введения словарной пометы *дисф.* в отношении подобных фразеологических единиц.

Е. Ф. Арсентьева отмечает основные недостатки фразеографического отражения коннотативного компонента в одноязычных и многоязычных словарях:

«1. Противоречивость, спорность информации относительно функционально-стилистической маркированности некоторых фразеологизмов;

2. Отсутствие или неполнота и непоследовательность фиксации эмосем и семы экспрессивности;

3. Смешение функционально-стилистических и эмотивных маркеров» [Арсентьева 2006: 127].

Действительно, оценочный и эмотивный компоненты коннотации дисфемистичных фразеологических единиц могут носить окказиональный характер; некоторые фразеологизмы способны терять свои узуальные семы, приобретать новые в зависимости от контекста или речевой ситуации и, таким образом, вносить определенную степень противоречивости. Тем не менее, выработка лингвистами единой системы классификации эмотивных помет, как в русскоязычных, так и англоязычных словарях с целью определения принадлежности словарных помет к отрицательной или положительной оценке безусловно будет способствовать формированию единого подхода к разграничению функционально-стилистических маркеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия): моногр. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. 220 с.

2. Арсентьева Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. 172 с.

3. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 182 с.

4. Баринова А. В. Дисфемизм, или Какофемизм // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недоче-

ты: энцикл. слов.-справ. / под ред. А. П. Сковородникова. – М., 2005. С. 119.

5. Курахтанова И. С. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема гиперболы: дис. канд. филол. наук. – М., 1978. 202 с.

6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. 381 с.

7. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1956. № 198. Вып. 24. Серия филол. наук. С. 200–224.

8. Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка – Ярославль, 1979. 80с.

9. Обвинцева О. В. Эфвемизм в политической коммуникации (на материале английского языка в сопоставлении с русским): дис. канд. филол. наук. – М., 2003. 276 с.

10. Резанова А. Н. Классификация дисфемизмов по лексико-семантическим разрядам. Обоснование принципа классификации.

11. Соколова Г. Г. Составляющие коннотативного значения фразеологических единиц // Лингвистические проблемы перевода. – М., 1981. С. 54–80.

12. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. 288 с.

13. Чудинов А. П. Практическая риторика: учеб. пособие. – Екатеринбург, 1998. 107 с.

14. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. 192 с.

15. Яскевич. А. А. Модификация формы слова как способ создания эфвемизма и дисфемизма: труды Конгресса // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», 20-23 марта 2007 года. – М.: МГУ. С. 160.

16. Holder R. W. A dictionary of euphemisms. – London: Oxford University Press, 1995. 470 p.

17. The QPB Encyclopedia of Word and Phrase Origin. Robert Hedrickson. Facts on File. 822p.